

Диана Фад
ЛеДи Ди

**Я
ДА**
*Твоего
поцелуя*

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Диана Фад

ЯД твоего поцелуя

«Автор»

2025

Фад Д.

ЯД твоего поцелуя / Д. Фад — «Автор», 2025

Легко жить, когда тебя любят, оберегают и заботятся. Но когда человек, который клялся в любви, совершает нечто страшное... Это трудно пережить. Я смогла выжить в нечеловеческих условиях, чтобы стать сильнее и решительнее. Я отказалась от иллюзий и от любви к своему мужу. А он, убийца, живёт в своё удовольствие, не подозревая, что я уже иду по его следам, тихо и незаметно. Я планирую месть. Мне безразличны законы милосердия и прощения. Я решила наказать своего убийцу за измену и предательство. Нет, он будет жить, но вот как... Это решу я, новая я! От автора: убить ради денег, как банально... Но когда на кону большие деньги, очень большие... То предадут самые близкие.

© Фад Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	27
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

ЛеДи Ди, Диана Фад ЯД твоего поцелуя

Небольшой кусочек информации от автора)

##Итак новая история, новые герои.

Знакомимся:

##Главная героиня Княжина Валерия Станиславовна - избалованная, влюбленная в своего мужа, ходит в розовых очках, деловая мадам.

##Быстрицкий Даниил Алексеевич, - красавец, мажор, любит все самое лучшее, получает все, что хочет. Женился ради денег.

##Старцев Илья Александрович, - непростой, честный, со своими принципами, палец в рот не клади, откусит.

##Княжина Алевтина Станиславовна - сестра Леры, нежная блондиночка, которая плывет по течению. Легко управляема, зависима, истеричка.

С героями все понятно, но вот что же они будут делать? А для этого мы прочитаем книгу и я буду рада вашим комментариям и подписке на автора [ЗДЕСЬ](#).

##И новое правило: я рандомно выбираю комментатора, самого активного, переживающего и неравнодушного) Следующая новинка после окончания этой истории, будет подарена за живой интерес к книге.

Приятного всем чтения, хорошего настроения, с любовью к своим читателям Диана Фад!

Глава 1

Я просыпаюсь, не открывая глаза, и со стоном переворачиваюсь на другой бок. Мне хочется зарыться в шёлковую наволочку, пахнущую лавандой, но вместо этого я трусь носом о грубую ткань спальника. Мне тепло, здесь есть обогрев, но это не моя огромная кровать размера king size и не шёлковое бельё цвета слоновой кости.

Поднимаю руку, касаюсь лица и убираю непослушную прядь, выбившуюся из-под шапки. Зачем я согласилась отправиться в тайгу? Почти середина осени, холодно, днём нос мёрзнет, а в туалет приходится ходить быстро, без всяких удобств. Каждый день — новая точка, куда меня тащит мой муж, Даниил Быстрицкий.

— Проснулась, любимая, — поворачиваюсь на другой бок и встречаюсь с ласковым взглядом мужа. — Иди сюда.

Он протягивает ко мне руки, приглашая в свои объятия.

— Дан, нет, — ворчу я, отбиваясь от его внимания. — Мы уже пять дней в дороге, я толком даже не мылась.

— И что? Зубы-то чистила, — удивляется Дан.

— Ладно, — ворчу, подбираясь ближе к его спальнику, и падаю в поцелуй.

Всё было бы прекрасно, если бы не дикая природа вокруг, звери. Я знаю, что в десяти километрах за нами следует охрана, даже есть вертолёт, который в любую минуту сорвётся по первому нашему звонку и будет здесь. Но всё равно я не привыкла к таким условиям.

— Готова к марш-броску? — улыбается белозубой улыбкой муж.

Красивый, высокий, широкоплечий, с телом как у бога. Я теряла себя, когда мы занимались любовью, да и просто находясь рядом с ним. Он мой мужчина, моё божество, люблю не могу, но... только не в этой кишачей всякой живностью тайге. Смачно хлопаю комара у себя на лбу и перекатываюсь на спину, впирая взгляд в потолок палатки.

— А может, ну его, этот твой бросок? — хнычу, пытаюсь даже пустить слезу, но не идёт, зараза.

— Лер, не порть отпуск, а, — кукуется Дан. — Ты же знаешь, я давно мечтал вот так, наедине с природой, с тобой.

— Лучше бы на Мальдивы, — ною я. — Вилла на воде, всё приватно, что мешало поехать туда?

— Туда мы ездили раз двадцать уже, всё, я тебя понял. Ты решила испортить нашу годовщину и добилась своего.

Даниил отстраняется от меня и расстегивает свой спальник. Встает и сдвигает молнию, открывая вход в палатку. Ледяной воздух врывается внутрь вместе с солнечным ярким светом. Сажусь в своём спальнике, моргая от белизны. За ночь всё накрыло снегом, приплыли. Как теперь идти дальше. Ну не хочу я!

Вообще эта поездка изначально мне не нравилась. Да и столько ходить я не привыкла. Попасть в октябре в тайгу могут только сумасшедшие. Но Даниил всё предусмотрел, и в принципе я не особенно боялась. Но сейчас, когда прошло пять дней, у меня элементарно не было сил идти дальше. Радовало то, что остался один день. Нам нужно было подняться на гору и оттуда полюбоваться красивым видом на тайгу. Легко сказать, а сделать и того проще, как заявил Даниил.

— Можно я вернусь домой? — всхлипываю тихо, но выбираюсь из палатки, прихватив свой пуховик.

Вокруг всё покрыто тонким слоем снега, что выпал за ночь. Глаза режет от солнечного света, и я прикрываю их рукой. Мне тепло в моём термобелье, которое обтягивает мою тушку как сарделька. На ногах удобные высокие зимние кроссовки. Моё тело в тепле, но кажется, что

болит каждая его клетка. Я не спортивная женщина, однозначно. Два раза в неделю посещать фитнес-клуб явно недостаточно, о чём говорят мои лишние двадцать килограммов. До сих пор удивляюсь, почему Даниил выбрал меня, такую пышку, поедающую сладкое как бульдозер. Или это я его выбрала, а он смирился. Да нет, у нас любовь с первого взгляда, я знаю. Два прожитых совместно года пролетели словно в сказке.

— Конфетка моя, иди делай свои женские дела и завтракай, — улыбается мне Даниил, который уже развёл костер и водрузил сверху закопченный чайник. — Только далеко не заходи. За палатку иди, не смущайся.

Я фыркаю, пробираясь в палатку. Она у нас большая и очень удобная, да и вообще мы с мужем, несмотря на наши финансовые возможности, готовились к этому походу основательно. У нас есть всё необходимое: хорошая тёплая палатка, все нужные вещи, даже маленькая газовая плитка.

У Даниила навороченное ружье, которое стреляет так громко, что я иногда даже оглохаю. Мы планировали питаться тем, что он поймает, но пока что нам приходится грызть сухарики, вяленое мясо и доедать тушёнку. Мне, привыкшей к изысканным блюдам нашего повара, это не совсем понятно.

— Пошли, птичка моя, — наконец произносит Даниил, произнося слово, которое я возненавидела за последние пять дней.

Мы уже всё сложили, выпили чай: я с последними сухарями, а Даниил доел остатки тушёнки. Сейчас я бы душу продала за чашку капучино и кусок чизкейка с шоколадом, но придётся потерпеть ещё пару дней.

Подъем по крутой дороге среди леса и огромных камней почти довёл меня до изнеможения. Три с половиной часа я шла, мокрая, уставшая и искусанная непонятно чем. Наконец, я падаю на огромный валун и перевожу дыхание. Перед глазами всё плывёт, язык на плече.

Я обещаю себе, что как только вернусь домой, сразу же начну заниматься спортом и сяду на диету. Мне всего двадцать шесть лет, а я чувствую себя как старуха, еле передвигаясь.

Оглядываюсь по сторонам и вижу красивый осенний лес, переливающийся из тёмно-зелёного в ярко-красный с мазками жёлтого и золотого. Жаль, что со мной нет красок и моего мольберта, я люблю рисовать и занимаюсь этим с удовольствием и почти профессионально.

— Лер, иди сюда, — зовёт меня Даниил, который забрался чуть выше и стоит метрах в десяти от меня. — Отсюда такая красота!

Кряхтя и охая, я поднимаюсь с камня, снова застёгивая на поясе ремни своего рюкзака. Ну давай, Лерка, ползи ещё немного, и твои мучения закончатся. Это последняя точка нашего путешествия, будь оно неладно. Завтра вечером я буду в гостинице, отмокать в ванной, пить дорожное шампанское и есть свой любимый чизкейк.

— Лер!

— Да ползу, то есть иду я, — кричу Даниилу и подхожу к нему.

Прямо у меня под ногами крутой обрыв. Внизу я вижу быструю речку, не слишком широкую, но такую бурную, что большие камни на дне создают бурлящую преграду для прозрачной воды. Здесь высоко, и открывается такой вид, что захватывает дух. Тайга расстилается зелёным покрывалом со всех сторон. Снег уже растаял, обнажая краски осени.

Даниил подходит сзади и обнимает меня за талию. Я смотрю вниз, высота пугает, но в то же время завораживает. Вода бурлит внизу, сверкая бриллиантовыми брызгами. Мне немного страшно стоять на каменистом краю, но руки Даниила держат крепко, а его губы у моего уха вызывают мурашки по телу. Поцелуй в чувствительное место за ушком, смазанный тёплыми губами по щеке.

— Как же я тебя ненавижу, — слышу его хриплый шепот и улыбаюсь как дурочка, ещё не до конца осознав его слова. — Тебя, твоё рыхлое толстое тело, твоего отца. Я сплю с тобой,

представляя других баб: красивых, стройных, в сексуальном белье и языком шлюхи. Ты мне до тошноты противна, Лер. Ты ничего не стоишь без своих денег.

Я всё ещё продолжаю улыбаться, но смысл его слов постепенно доходит до меня. И я пытаюсь обернуться, чтобы посмотреть в его глаза и понять, что это за шутки такие.

— Что ты говоришь?! — делаю движение, чтобы развернуться, когда руки Даниила исчезают с моей талии.

— Покойся с миром, жена, — спокойно говорит он и толкает меня обеими руками в грудь.

Вскрикиваю, хватаюсь руками за воздух и падаю... Ужас за секунду сковал моё тело, и я не могу открыть рот, чтобы закричать, но стремительно падаю на острые камни и в ледяную воду. Тысяча иголок пронзают моё тело, опоясывая невыносимой болью спину и ноги. Я всё ещё в шоке от произошедшего, и последнее, что вижу, это фигуру своего мужа, который смотрит на меня с обрыва. И я не умею плавать... Хотя какой тут плавать, если всё тело переломано всмятку о камни.

Глоток ледяной воды, ещё и лёгкие обжигает от недостатка кислорода. Пытаюсь взмахнуть руками, но боль накрывает меня с головой. От удара об воду глохну, в глазах темнеет. Я умираю. Я не хочу бороться. Меня предали.

Глава 2

В храме царит тишина. Лишь заунывное пение батюшки и подпевающий ему хор престарелых девственниц вызывают у меня внутреннее отторжение. И зачем я только выбрал этот храм иконы Божией Матери «Неувядаемый Цвет» в Рублево?

— Валерия любила этот храм, он недалеко от её дома, ей понравится... — слышу я за спиной и не могу сдержать вздох.

Лера, Лера — ненавижу это имя, но приходится изображать скорбь. На меня злобно смотрит верный пёс Станислава Борисовича Княжина, отца Леры. И его я тоже ненавижу, но недолго тебе осталось топтать эту землю, старик. Да и топтать уже не получается. Он сидит в инвалидной коляске в чёрном костюме и чёрной рубашке, на ногах — итальянские туфли, начищенные до блеска. На безымянном пальце массивный золотой перстень с чёрным опалом.

За креслом стоит красотка, застывшая в соблазнительной позе со слезами на глазах. Белокурые локоны прикрывает чёрный платок, платье из чёрного кружева простое, чуть выше колена, с длинными рукавами. Стройные ножки в чёрных чулках, замшевые туфли. Я в восторге от неё, тело богини, красота в каждом движении. Я готов заниматься с ней любовью часами, ловить губами её крики удовольствия. Сейчас и не скажешь, что эта кошка ненасытна в постели, разрешает делать с собой всё, что пожелаю. На что богата моя бурная фантазия.

Аля ловит мой взгляд и слегка облизывает алые губы, и у меня моментально поднимается настроение. Чёрт! Цепляю перед собой руки, которые держат чёрный плащ, чтобы скрыть эрекцию. Осматриваю церковный зал, разглядывая тех, кто пришёл на отпевание. Задерживаюсь на закрытом гробу, который выделяется своими белоснежными лаковыми боками, словно космический корабль. Скриплю зубами, пытаюсь подавить в себе ненависть. Гроб стоил как хороший коттедж, и для чего? Для тела, которое сгниёт, поедаемое червями? Для чего такая красота, деньги на ветер? Да и от тела остались одни кости.

Запах белых роз, лилий и свечей. Мне кажется, что теперь я всегда буду вдыхать этот аромат с удовольствием. Запах моей свободы. Моей новой жизни без супружеских оков, без нытья Леры, без постоянного контроля с её стороны. Всё нужно было выпрашивать, кланчить, ублажать эту жирную тушу в постели, чтобы Лерочке было хорошо, крышесносно. Чтобы она и подумать не могла, как мне противно с ней спать.

То ли дело Аля, её сестра. Полная противоположность моей покойной жены. Высокая, стройная, сексуальная просто жуть. Хочу её, всегда хочу, а она меня. Мысли снова кружатся вокруг прелестей Али, и я, чтобы охладиться, кидаю взгляд на большую фотографию Леры. Здесь она ещё ничего. В свадебном платье, утянута со всех сторон, того и гляди треснет на швах. Лицо профессионально покрашено, даже красиво. Нет, Лерка так-то ничего была, если бы не полнота. Но мять руками рыхлый жир, необъятную грудь... Фу, отлегло. Теперь даже мысли о сексе вызывают отвращение, но это ненадолго. Нужно продержаться, пока не закончится эта комедия с отпеванием и последующей кремацией. А в ресторане я дождусь, пока все разойдутся, и сегодня, наконец-то, напьюсь. Шутка ли, два месяца ждать, пока найдут тело, и моя жена перестанет быть призраком. А без тела нет денег семейства Княжиных. Вот такая вот беда.

Наконец, отпевание закончено, и мы едем в крематорий. Вижу, как пускает слезу отец Леры, даже Аля прониклась. Кружевным платочком промачивает глаза. Играет или правда скорбит? Хотя нет, какая там скорбь. Скорее совесть. Что-то она мне не нравится последнее время. Нужно затащить её к себе и отрахать как следует, чтобы все мысли о морали выбить из головы.

— Мы поступили очень дурно, Дан, — тихий шепот, испуганный взгляд.

Сколько раз я слышал эти слова за эти два месяца? Дура, какая дура. Всё сделано, что не подкопаться, а у неё совесть заиграла. Бесит и возбуждает одновременно.

— Ты не понимаешь, Лера моя сестра...

— Заткнись, дорогая, или ты хочешь признаться?

— В чём? — бледнеет, нижняя полная губка подрагивает от страха. — Это же ты, Леру...

— Я?! Она с обрыва сорвалась, Аля. Захотела вниз посмотреть, чуть меня за собой не утащила. Или я должен был следом кинуться? — рычу я, оглядываясь по сторонам.

Мы заскочили в одну из гостевых комнат в величественном особняке Княжиных. Это было через неделю после того, как я вернулся из Тайги после трагедии.

— Точно не ты? — изучающе смотрит на меня сестра жены.

— Даже если и я, что бы ты сделала? Ты знала, что я хотел, но не смог решиться. Это судьба, Аля, судьба, — хватаю её за талию, руками веду по округлым бедрам, задирая вверх юбку домашнего платья.

Тяну в ванную, предварительно выглянув в коридор, и впечатываю в прохладную кафельную плитку на стене.

— Нет, нет... — шепчет Аля, пока я долблю её остервенело, глубоко, яростно.

— Терпи, соскучился, — вгрызаюсь в её шею, делая больно и оставляя отметины. Руками сжимаю грудь, играя сосками, и врезаюсь в горячую сочную промежность.

— Ах, — улетает Аля, а я почти разрываю её, тихо рыча в волосы.

Хорошо, что нас тогда никто не застал из прислуги. Обычно мы были более осторожны, но тут меня сорвало. Да и Аля тоже страстная девочка. Сама как-то оседлала меня, пока Лера уезжала с отцом на Урал. Тогда мы только начали жить вместе, три месяца как поженились. Я просто изнывал от недостатка хорошего качественного секса с красивой женщиной. Думал, что так импотентом стану, если продолжу ублажать Леру. Аля была мне отличным подарком, всегда рядом, всегда готова.

А сейчас я просто хочу получить свои деньги и свалить отсюда. Затем заберу с собой Алю, и мы исчезнем где-нибудь за границей, пока не помрёт её папаша. Врачи говорят, ему недолго осталось. А младшая дочь теперь единственная наследница, и мы в шоколаде. Земля тебе пухом, Лера, спасибо за огромное наследство, что перешло ко мне после твоей кончины. После развода я бы не получил ничего по условиям договора. Кто я, обычный фитнес-тренер, и ты, дочь олигарха Княжина. Но вот так бывает, где сейчас ты, жена, и где я. Жить живым, да и жить хорошо тоже не помешает.

Глава 3

В офисе царит тишина. Трое мужчин, сидящих за столом, изредка бросают взгляды на старика, который, казалось, застыл, сцепив руки в замок и подперев подбородок. Один из них только что отчитался о результатах поисков, которые уже третий месяц ведутся в районе, где пропала дочь Княжина.

— И что ты хочешь этим сказать, Иван? — сердито сдвигает брови Станислав Борисович, — Что всё напрасно?

— Почему вы не верите в смерть дочери? — произносит Иван. — Её муж опознал тело.

— Что он там опознал? Изуродованное тело? — взрывается отец Леры. — Не верю я во все эти экспертизы.

— Вы хотите сказать, что поиски, которые велись в Тайге столько времени, не дали бы результата? Не так много женских тел находят, Станислав Борисович, — качает головой Иван.

— Мне лучше знать, — рявкает отец Леры. — Будем искать, пока не найдём! А пока я хочу, чтобы за этим альфонсом постоянно следили: куда ходит, что делает, сколько раз в день в туалет ходит, понятно? И лимит по его карте нужно убавить на пятьдесят процентов. Деньги моей дочери он не получит.

— Станислав Борисович, муж Валерии Станиславовны вступил в права наследства. Все счета вашей дочери, недвижимость, её акции теперь его. Мы не можем распорядиться этими финансами, — подсказывает главный финансовый директор холдинга, Евгений Николаевич. — Я сочувствую вашему горю, но здесь ничего нельзя сделать.

— Хочешь сказать, я должен спокойно сидеть и смотреть, как этот паразит спускает все деньги на шлюх и шмотки с машинами?

— Если бы ваша дочь была жива...

— Моя дочь жива! — грохает по столу кулаком отец Леры. — И нет тут никакого если.

— У вас есть ещё одна дочь, — произносит мужчина, который до этого сидел молча, наблюдая и слушая остальных. — Нужно позаботиться о ней. Насколько я знаю, вы уже готовите выгодный брак для Алевтины Станиславовны. Пусть это и договорной союз, но здесь нужно всё предусмотреть, чтобы такая ситуация больше не возникла.

— Ты намекаешь на то, что моя младшая дочь в опасности?

— Где большие деньги, всегда есть опасность, — тихо произносит мужчина. — И ваша дочь не исключение. По условиям нового брака в случае развода или смерти муж не должен получить ничего, вам это ясно? Чтобы не провоцировать в дальнейшем. Валерия Станиславовна поступила опрометчиво, когда вышла замуж за своего фитнес-тренера и подписала завещание в его пользу.

— Моя дочь не была настолько глупа!

— Нет, но теперь мы имеем то, что имеем. И её муж получил всё.

— Я поговорю с Алевтиной, — сердито произносит глава холдинга. — Аля не такая как Валерия, она сделает то, что я скажу.

— Сомневаюсь, — тихо добавляет Георгий, правая рука Княжина и его друг детства.

Бывший спецназ, разведка, работа на военной должности оставили свой отпечаток на мужчине. Он был слишком суров, широк в плечах, его осанка выдавала подготовку.

— Мне нужно поговорить с вами наедине, — произносит Георгий, и Княжин отпускает всех остальных, просто махнув повелительно рукой.

Когда за всеми закрылась дверь, Георг встал со своего места и подошёл к панорамному окну, глядя в первый снег, что накрыл город.

— Стас, ты знаешь меня давно, — не отрываясь от окна, произнёс Георг. — Мы с тобой прошли, как говорится, огонь и медные трубы. В лихие девяностые мы рвали и закапывали

своих врагов. Теперь у нас всё на цивилизованном уровне, но это не значит, что крысы исчезли. Они затаились, иногда покусывают, но чаще ждут, когда ты оступишься, и тогда схватят кусок сыра, что ты уронил.

— Георг, оставь эти свои нравоучения для кого-нибудь другого, — медленно встал из кресла Станислав Борисович.

Отец Леры недавно перенес инсульт, и после этого его плохо слушались ноги и левая рука. Он мог стоять, но недолго, а вот ходить не получалось, пара шагов — и ноги просто подгибались под тяжестью тела. Но Стас занимался каждый день по несколько часов с инструкторами, которых для него подобрал Георг. Почему-то Стас не хотел, чтобы все знали о его упорстве, боялся, что ничего не добьётся, а жалость бизнесмену-олигарху была не нужна. Не привык он, чтобы его жалели, да и сам не любил этого делать.

— Ты же знаешь, кем была для меня Лера, — встал Стас рядом с Георгием, уперев правую руку в спинку кресла. — После смерти их матери именно моя старшая дочь поддерживала меня во всём. Я учил её своему бизнесу чуть ли не с пелёнок. Таскал с собой по заводам и шахтам с самой школы. Неужели ты думаешь, что я бы отдал мою девочку этому выскочке, который ничего не может, кроме как трахать баб.

— Знаю. Не думаю, что ты впал в старческий маразм, когда отдал ему Леру, — усмехнулся Георг. — Но всё, о чём я тебя предупреждал, случилось. Зря ты не приструнил свою дочь, когда составлялся брачный договор.

— Это всё ерунда, ты же знаешь, — отмахнулся левой, негнушейся в локте рукой Стас. — Брачный договор лишь бумажка, которой только подтереться, а вот оставленное завещание...

— Да, твоя дочь оказалась полной дурой, — сердито произнёс Георг.

— Не говори так!

— А как? Тайно составить завещание в пользу этого альфонса? Где были её мозги? — зарычал Георгий. — Знаешь, Стас, я любил твою дочь как свою. Я взял её на руки раньше тебя, так как ты был в очередной командировке, но Лера сделала глупость, которая стоила ей жизни.

— Ты так уверен, что Даниил замешан в этом?

— А кому ещё была выгодна её смерть? Мм? — повернулся к другу Георг. — Иногда мне кажется, что ты стареешь и твои мозги уже плохо работают.

— Любой бы другой за эти слова уже гнил в земле, — жёстко произнёс Стас.

— Но я не другой, — развернулся от окна Георг, направляясь к выходу из кабинета. — Не спускай глаз с Алевтины, боюсь, что она учудит что-нибудь. Займись делами холдинга, отзови все поиски. Я сам займусь этим. Пусть твой зять успокоится и живёт в своё удовольствие. Мне нужен лишь один его неверный шаг, чтобы прикончить эту мразь. Одна зацепка — и я размажу его мозги по асфальту.

— А как же Лера? — удивился Стас.

— Для всех она официально мертва. Оплакивай свою дочь как отец, а я попробую что-либо разузнать, не привлекая внимания. Твои шавки только всё испортили, наделали шума.

— Как ты это сделаешь?

— Мне есть кому довериться в этом вопросе, и ты больше не участвуешь в этом, Стас. Вставай на ноги и береги Алю. Я знаю, кого отправить в Тайгу.

С этими словами Георг вышел за дверь, мягко прикрыв её за собой, а отец Леры повернулся к окну, задумчиво разглядывая вечерний город.

Глава 4

— Все свободны, — объявляю я в конце тренировки и, упав на татами, устремляю взгляд в потолок.

Дыхание мое спокойное и ровное, словно и не было только что напряженного двадцатиминутного боя с двумя молодыми бойцами. Мне нравится обучать охрану Княжина, каждый из них словно отдельная груша для битья и выхода накопившегося напряжения, которое в последнее время словно бы накапливается независимо от меня.

А все дело в одной папиной дочке, которая слишком часто вызывает у меня беспокойство. Угораздило же связаться с этой богатенькой девочкой!

— Илья, — голос Георга заставляет меня отвести взгляд от потолка и одним прыжком подняться с татами.

Старостин приближается ко мне, как всегда подтянутый и строгий, в черном костюме, который ему идет так же, как и его военная форма, которую он когда-то носил почти не снимая.

— Георгий Викторович, — подхожу к нему и пожимаю крепкую руку.

Старостин, хоть и в возрасте, который для бойца считается критичным, в физической форме даст фору любому, да и мозгами его природа не обделила. Не каждому удастся служить столько лет Княжину, как это удалось Георгу. Меня же он знает еще с тех пор, как я был салагой.

Их дружба с моим отцом длилась так долго, что я уже сбился со счета. Пока отец был жив, они с Георгом служили в самых разных уголках мира, а когда возвращались домой, друг отца всегда был рядом. Не имея своей семьи, он занимался со мной, как с родным сыном, а я был только рад этому.

Когда отца не стало, Георг оказал мне огромную помощь. Он помог мне получить все необходимые документы для открытия охранного агентства, а затем я взял на себя подготовку охраны для Княжина. И вот уже много лет это мой основной источник дохода. За это я буду благодарен Георгию всю свою жизнь. И не только из-за этого, но и в память о моем отце, конечно.

— Чем могу быть полезен? — спрашиваю я, выходя с Георгом из тренировочного зала и открывая дверь в свой кабинет. — Аня, кофе нам, пожалуйста.

Мой администратор, молодая девушка, понимает все с полуслова и уже не первый раз видит Георгия. Она знает, что требуется, поэтому я не даю лишних указаний. В кабинете мы располагаемся на диване и ждем, пока накроют журнальный столик: чашки с кофе и дежурные сладости.

— Дело у меня к тебе, Илья, — начинает Георг, доставая из кармана пиджака свой телефон и набирая на экране цифру, — Вот такое дело, с шестью нулями.

Я присвистываю, бросая короткий взгляд на сумму. Что же такого понадобилось от меня Княжину, особенно за такие деньги?

— Ты же слышал, что у Станислава Борисовича погибла дочь, — начинает бывший начальник ФСБ, — Так вот, нужно ее найти.

— Есть сомнения? — делаю глоток обжигающего кофе. Лишних вопросов не задаю. Мое прошлое и прошлая работа Георга не предусматривают ненужной информации.

— Скажем так, отец не верит в ее смерть.

— А тело?

— Нашли какие-то останки. Муж опознал кольца и серьги.

— А экспертиза?

— Тоже.

— Тогда в чем проблема?

— Станислав Борисович все равно сомневается.

Откидываюсь на спинку дивана, рассматривая Георга, который сидит, задумчиво глядя на меня.

— Вы же понимаете, что если экспертиза подтвердила... — начинаю я.

— Понимаю, но Княжин еще не знает, что данные были сфабрикованы, — неохотно признается Георг.

— Вот как, — ставлю чашку на столик, — И что это значит?

— А то, что муж Леры в этой игре пешка. Я хочу выйти на заказчика. Кто-то активно копает под семью Княжиных, и мне это не нравится. Станиславу Борисовичу ничего пока не говорю, чтобы не наломал дров. Попрет как танк, а доказательств нет. С трудом уговорил его сделать все тайно, а в частности отправить моего доверенного человека на поиски Леры. Тебя.

— Меня? — удивленно смотрю на Георга.

— Да, ты знаешь тайгу как свои пять пальцев. Одно время у вас там были учения, и я помню, что ты там задержался почти на год, выполняя одно задание.

— Ого, Георгий Викторович, какие у вас сведения, — усмехаюсь я, — Мое задание было секретным, на минуточку.

— Что было, прошло, — философски произносит Георг, — Я много что знаю, поэтому мне нужна твоя помощь. Нужно найти Леру, если она еще жива, и оказать ей помощь. Появляться здесь ей пока нельзя, пока мы с Олегом не распутаем всю цепочку.

— Зубр тоже в деле?

— Да, после того как Олег пошел на повышение и его взяли в тайный отдел, они уже занимаются финансовыми махинациями. А Княжин у них проходит как свидетель, но об этом даже Станислав Борисович не знает.

— Понял, когда нужно отправляться и я могу знать примерно место, где пропала дочь Княжина?

— Да, вот карта, — Георг достает из кармана сложенный лист бумаги с отпечатанной картой тайги.

— Георгий Викторович, — с улыбкой качаю головой. Ну не любит Старостин новомодные гаджеты. Работа шпиона приучила его в свое время все запоминать и носить в голове, не доверять новой технике. Поэтому Георг никогда не присылает задания или какую-либо информацию по почте, не доверяет звонкам и сообщениям. Предпочитает разговор живьем и вот такие вот бумаги, которые, наверняка, уничтожит, как только выйдет отсюда.

— Не пыли, Илья. Ты знаешь, что всю информацию можно перехватить, — сжимает сердито губы Георг.

— Я знаю вас, Георгий Викторович, — усмехаюсь в ответ и получаю на руки пухлый конверт с наличными.

— Завтра привезут твои новые документы и билет на самолет. Знаю, что у тебя там остались знакомые, им можно доверять?

— Как и мне, — киваю я.

— Отлично, отправляйся, Илья, я пока присмотрю за твоими бойцами. Немного разомнусь, — ведет плечами Георг.

Я знаю, что присмотрит. Что будет чуть ли не каждый день заезжать сюда и гонять моих бойцов до седьмого пота. Лучшего инструктора я бы и не желал, поэтому за свой бизнес могу быть спокоен.

— С собой двоих возьму, прочешем местность, — сообщаю Георгию, и тот кивает.

— Только помни, никому ни слова.

— Обижаете, Георгий Викторович.

На том и разошлись, а я вернулся в свой кабинет, вызвал к себе Черныша и Мальша. Пора ребятам поучаствовать в задании, а то засиделись мои бойцы без дела. Молодняк гонять

каждый может, а вот работать в условиях полной таинственности и, возможно, опасности не каждый умеет. Если Георг прав, то не я один буду искать дочку Княжина.

Глава 5

Вечером я отправился домой, но сначала решил заехать к маме. Она живёт в старом сталинском доме недалеко от меня, который похож на колодец. В детстве мы с друзьями часто здесь развлекались: издавали разные звуки, пока нас не прогоняли соседи. Эхо в этом доме было таким, что вызывало щенячий восторг и першение в наших глотках. Даже сейчас, когда я подхожу к подъезду, мне хочется что-нибудь крикнуть.

Мама уже привыкла к моим отлучкам. Она вообще закалённая женщина. Всю жизнь она моталась с отцом по военной службе, а затем они осели в Москве, где родился я. Отец уже перешёл на другую секретную должность, и теперь мы с мамой не знали, где он, когда вернётся и сколько пробудет дома. Однажды я похвастался в школе, что мой папа шпион. Это дошло до директора, и меня вызвали на ковёр с родителями. Вместо отца пришёл Георг, который выслушал все осуждающие крики директора.

— Ваш мальчик всё время врёт! — говорила она, переставляя на своём столе тяжёлую расписную подставку для ручек и карандашей. — Сегодня его отец генерал, завтра шпион, послезавтра разведчик. Родителям нужно провести беседу и усмирить фантазию мальчика. Почему не явился отец Ильи? — сдвинув на нос очки, она требовательно посмотрела на Георга.

— Потому что его отец генерал, шпион и служит Родине, — невозмутимо произнёс Георг, вызывая одновременно удивление у директора и даже у меня. — О работе отца Старцева Ильи говорить не стоит, думаю, мы поняли друг друга?

Директриса вдруг сбросила с себя всю самоуверенность и как-то сразу присмирела.

— Но мальчик... — робко начала она.

— Мальчик больше не будет говорить о своём отце правду, — уверенно произнёс Георг, не глядя на меня. — И вам я советую держать язык за зубами.

Друг отца достал из кармана пиджака какие-то корочки, а директриса чуть не стекла под стол.

— Что ты ей показал? — прыгал я рядом с Георгом, счастливый и отомщённый, как я тогда думал.

— Тебе не стоит это знать, — он вдруг резко остановился и повернулся ко мне. — Когда-нибудь ты поймёшь, что в этой жизни правда, а что ложь. Не всегда нужно говорить правду и никогда не лгать. Поэтому лучше молчи, или твой язык может стоять кому-то жизни.

Я чуть не проглотил свой язык от взгляда, которым Георг в тот момент смотрел на меня. С тех пор я никогда больше не говорил о своём отце ничего лишнего, а если спрашивали, отвечал: «Работает». Тот урок от Георга я запомнил навсегда.

Сейчас я сидел на кухне у мамы, поглощал ещё горячие пирожки с луком и яйцами и слушал её болтовню.

— Соседка с третьего этажа ходила недавно насчёт прибавки к пенсии... — говорила она свои новости, которые для меня ничего не значили.

Я слушал её вполуха, запивая пирожки чаем из поллитровой отцовской кружки с небольшим сколом. Как-то после смерти отца эта вещь перешла ко мне, и мама всегда наливала мне чай именно в неё. Мои мысли бродили вокруг задания Георга, я уже был там, в тайге. Я распределял в уме территорию, которую нужно прочесать, чтобы найти следы дочери Княжина. Спрашивать людей придётся осторожно и выборочно, чтобы не оставлять за собой следов. А для этого нам нужно уйти как можно глубже, ближе к месту трагедии.

— У Матвеевны внук родился... — вздыхает грустно мама. — Илюш, ты меня слушаешь?

— Да, мам, вкусные пирожки, спасибо, — допиваю чай, отодвигаю кружку.

— Ты когда меня внуками порадуешь? — наседает мама. — Сорок лет почти, а всё один, ни семьи, ни детей...

— Минут через тридцать устроит? — демонстративно смотрю на большие часы, что мне подарили в награду. Массивные, с кучей всяких примочек и благодарственной надписью «За доблестный труд».

— Все шутки у тебя, — вздыхает мама. — Как твоя последняя, эта... Фифа!

— Мама, она не фифа, хотя в чём-то ты права, и мы расстались, — говорю я.

— Ну и хорошо, не пара она тебе, — облегчённо вздыхает мама.

— А кто мне пара? — хитро прищуриваюсь, сгребая из тарелки ещё пирожок. Откусываю сразу половину и сытно жмурюсь, как кот.

— Где-то есть и твоя половинка, — печально произносит мама.

— Ага, бродит по тайге, — усмехаюсь, но тут же становлюсь серьёзным. Нельзя даже намекать, куда направляюсь. — Я уеду на пару месяцев.

— Ааа, — встревоженно смотрит на меня мама.

Никогда не спрашивает куда и зачем, вот что значит годы ожидания. Но взгляд её, когда она меня провожает, ещё долго мне будет сниться. И ни слова ведь не скажет, ни упрёка.

— Если получится, буду звонить, — обещаю ей, сгребая со стола морщинистую маленькую ручку, зажимая в своих крепких ладонях.

— Звони, — тихо отвечает мама, а я прощаюсь и ухожу. Не люблю вот эти вот взгляды и вздохи. Мама хоть и молчит, а всем видом выдаёт свою тревогу.

Еду к себе, чтобы собрать сумку и ждать отмашки Георга. Своих ребят я уже предупредил. Они будут ждать моего сигнала выдвигаться. Однако сразу проникнуть к себе в квартиру не получилось. У подъезда стоит машина моей бывшей, дочери очень богатого человека. Я пока не знал, чья она дочь, замутил с ней на пару недель. А затем мне популярно объяснили, что так делать не нужно, иначе у моего бизнеса начнутся большие проблемы.

Любви между нами не было, так, короткий перепих. Но девочка возомнила, что я любовь всей её жизни, и теперь караулила, названивала, вызывала на разговор.

— Илья, подожди! — дверь её машины открывается, и вскоре Инна уже бежит ко мне на своих метровых каблуках. — Ну подожди, поговорить хочу.

— Мы уже всё решили, Инна, — хмуро смотрю на девушку.

Короткая соболиная шуба, кожаные обтягивающие белые штаны, такого же цвета сапоги на высокой шпильке. Белые волосы уложены стилистом в мягкие локоны, на красивом лице выделяются пухлые губы и умело накрашенные глаза. Инна следит за собой, в том числе и с помощью пластического хирурга. Тело роскошное, я не спорю, но уж слишком искусственное всё, надоело. Пока Инна идёт, в стороне пасётся охрана.

— Нам хорошо было вместе, — Инна подходит и прижимается ко мне, обнимает, обволакивая приторными духами. — Давай ты больше не будешь дуться?

— Я и не дулся, просто мы друг другу не подходим, — пытаюсь оторвать от себя её руки, но она как паучиха оплетает своей сетью. — Всё было прекрасно, но закончилось, я тебе говорил.

— Что мне сделать, чтобы всё вернуть? — дует губы избалованная детка.

— Ничего, представляешь? Ни-че-го! Уезжай, я занят, — сбрасываю её руки с себя и осторожно высвобождаюсь из цепких когтей.

Охрана уже начеку. Одно движение, и я буду лежать мордой в снегу, так как отвечать им не могу. Отец Инны ясно дал понять, что играть с ним не стоит, а от дочери нужно держаться подальше. Мне не нужны проблемы, я их не искал и не хотел.

— Ты ещё пожалеешь! — кричит мне вслед папина дочка, а я захожу в свой подъезд не оборачиваясь.

Нет, не пожалею. Да и нельзя мне ни о чём жалеть. Всё остаётся здесь, чтобы там ни о ком не думать. Только задание, больше ничего.

Поднимаюсь на свой этаж, выбрасываю Инну из головы и вставляю в замочную скважину ключ, замираю. Дверь открыта.

Глава 6

Вертушка взлетает, и нам приходится почти лечь на землю. Снег застилает лицо, колотит в закрытые глаза. Спасают балаклавы, что мы трое натянули, оставляя узкие щели для глаз.

Когда вертолет улетает, скрываясь за высокими елями, мы поднимаемся, проваливаясь в снег. Мои ребята одеты по всем правилам: термобелье, тёплые джемпера и куртки, лёгкие брюки с подкладом внутри. На спинах у них рюкзаки, полные всего необходимого, включая короткие автоматы и запасные патроны.

В рюкзаках у нас также есть пара банок тушёнки, крекеры, сыр, чай, сахар, немного картошки и соль. А ещё походный котелок, охотничий нож, одноместная палатка и множество других полезных мелочей.

Черныш, он же Чёрный Аркадий Михайлович, — мой давний сослуживец. Работает инструктором в охранном агентстве, и я часто беру его с собой на такие задания, как и Малыша. Малышев Владимир Сергеевич присоединился к нам после последнего задания в Сирии. Он был ранен и теперь немного хромот, но о себе не любит рассказывать, в отличие от Черныша. Аркашка же может говорить часами, пока не охрипнет, за что я его не раз ругал. Даже Малыш иногда демонстративно вставляет в уши беруши, чтобы не слышать болтовню Аркашки.

— Старый, так ты нам и не сказал, что за бабу мы тут потеряли, — ворчит Черныш, цепляя на спину свой рюкзак и натягивая тёплые перчатки. — Как хоть она выглядит?

— Баба как баба, — отвечаю я, смутно вспоминая дочь Княжина.

Георг дал мне ссылки на социальные сети этой Леры, чтобы я мог её найти. Я мельком просмотрел их. На всех фотографиях в основном был её муж — этакий мажористый плейбой, рядом с крутыми тачками и красивыми интерьерами. И везде было подписано: «Мой любимый», «Моя страсть за рулём», «Мой красавчик выбирает новый пиджак от Армани». Ну не дура ли? Хотя, если там с мозгами напряг, то так и должно быть. Ничем эта Лера не отличается от Инны. Их как под копирку лепят.

— Блондинка или брюнетка? Пышка или худая, как вобла? — продолжает трещать позади меня Черныш. — Ты мне хотя бы экстерьер обрисуй.

— Позже, — коротко отвечаю ему, прокладывая по снегу дорогу.

Идти, утопая по колено в снегу, непросто, но мы все привыкли к таким марш-броскам. Поэтому сейчас разговоры ни к чему. Дыхалку тратить не собираюсь. Через пару километров мы наденем лыжи, и дело пойдёт быстрее. Черныш позади меня что-то втирает Малышу, который всё равно молчит, а я иду вперёд. Нам сегодня нужно пройти сорок километров до первой точки привала, после которой мы разойдёмся в разные стороны. Мало, конечно, для первого дня, но такой у нас план.

Километров через пятнадцать Черныш затих, видимо, понял, что дыхалку нужно беречь. Вокруг стояла такая тишина, что было слышно, как падает с высоких елей снег. Короткие широкие лыжи плавно скользили по снегу, в куртке было тепло, даже жарко.

До привала добрались уже к темноте и быстро поставили палатки, расчистили место под костер. Обязанности чётко распределены: кто-то занимается палатками, кто-то ужином. Сварили себе похлебку, растопив снег, бросив туда картошку, тушёнку и лук. В термосе ещё оставался кофе, его оставили напоследок, а у меня в рюкзаке была даже пара задубевших шоколадок. Сладкое необходимо, помогает сохранять тепло.

— Так, объясняю нашу задачу, — достаю из рюкзака карту и пальцем указываю ребятам маршрут. Никаких точек и отметок, всё чисто визуально. — Малыш идёт к этой точке, Черныш сюда, я пройду здесь. Встречаемся через десять дней у Деда. Вопросы задаём не напрямую: были ли чужие, что происходило или произошло, много ли чужих зааживало. У вас у всех

здесь есть к кому обратиться, вы не первый раз в этом районе. Никаких имён, ничего не должно указывать на то, что кого-то ищем. Конечная точка тоже не разглашается. Понятно?

— Старый, а что такая таинственность? — спрашивает Черныш. — Девчонка же вроде того самого?

— Вот и нужно понять, кто тут замешан, а для этого не отвечаем, — задумчиво произношу, глядя на карту. — Афанасий, скорее всего, не ждёт гостей, заходим осторожно, предупреждая. Вы же знаете Деда, стреляет без предупреждения.

— А то, — лыбится Черныш. — Мировой мужик, подстрелит и спокойно пойдёт чай свой допивать.

— Да уж, чай, — меня невольно передегеривает от появившегося привкуса во рту.

Вспомнил, какой чай заваривает Дед, так мы называем отшельника глубоко в тайге, Афанасия Семёновича. Что самое интересное, Дед живёт вдаль от всего, а в курсе происходящего лучше, чем кто-либо. Как умудряется, для меня загадка, но факт. Если кто что-то знает о пропавшей дочери Княжина, то только Дед. Я ещё не рассказывал ребятам о гостях, которые навестили меня перед самым отъездом. У меня, с незваными в мой дом гостями, был короткий разговор, а вот они со мной пообщались интересно. Обязательно поделюсь с парнями на следующем привале.

Надо бы завалиться спать, завтра тяжёлый переход до первого стойбища, но сон не идёт. Тайга наполнена звуками. И вроде бы не лето, когда здесь полно живности, что охотится, добывает себе пищу, спаривается, а всё равно то филин заушает, то ветка скрипнет. Несмотря на палатки, разложили спальники вокруг огня. Черныш травит армейские байки, Малыш дремлет, прислонившись спиной к стволу огромной ели. Я лежу, подложив под голову руки, и взираю взгляд в ночное небо. Звёзд нет, все закрыли облака, завтра или ночью повалит снег. С одной стороны хорошо, если будет идти хотя бы часть дня, а с другой плохо, если прекратится. Будет видна наша лыжня.

— Старый, а за нами ещё кто-то пойдёт? Ну, за девкой этой? — вдруг спрашивает Черныш.

— Скорее всего, — отвечаю, не глядя на него. — Но будут искать в посёлках, на стойбищах и спрашивать о нас. Поэтому делаем вид, что ничего не знаем, тут чисто по заданию находимся.

— Понял, а нам её найти нужно или того, кто её искать будет? — не унимается Артём.

— Хорошо бы и то и то, но спугнуть нельзя никого. Если она жива, то спряталась так, что даже Георг её не нашёл. А это говорит о том, что встреча с ней будет не особо приятной.

— Давно я по тайге за девками не бегал, — ухмыляется Черныш, а от спальника Малыша доносится весёлое хмыканье.

— Всё, я спать, — ухожу в палатку, затягивая молнию на входе.

Укладываюсь в спальник и мгновенно отрубаясь. Спать мне часа три, и я знаю, что проснусь без будильника. Сменю у костра Малыша, отправлю его на отдых. Организм уже перешёл в режим, к которому приучен. Спать нужное время, вплоть до секунды. Выработанные годами навыки. Прав Георг, если кто и найдёт Княжину Валерию, то только мы.

Глава 7

Утром все разошлись. Встречу назначили в хижине старого отшельника, которого все звали Дедом. Никто не знал, сколько лет Афанасию Семеновичу на самом деле. Высокий, худощавый, с длинной седой бородой и неровно обрезанными седыми волосами, он был колоритной личностью.

Я попал к нему полуживым, когда замерзал в лесу после очередного задания в тайге. Тогда мы расследовали дело о лесорубах, искали доказательства контрабандного леса, который сплавляли и вывозили чуть ли не вагонами. Я почти пять месяцев проработал с ними и всё узнал, успел отправить информацию Георгу, который тогда занимался махинациями в крупных размерах.

Но потом за мной пришли. Ночью. Вытащили меня полуголым в тайгу, избили и бросили в реку. Дед нашёл меня, вытащил и выходил. Почти два месяца я провёл в его хижине, пил его чай и ел какие-то корешки. Не то чтобы у него не было нормальной еды, нет. Но как сейчас помню его слова:

— Ты не морщись, жуй. Сила в этих кореньях такая, что мёртвого поднимет, — ворчал он, ставя передо мной железную миску, от которой шёл пар.

И я грыз эти палки, на вкус как горькая полынь, и пил чай, который ничем не отличался от этих корней. Не знаю, был ли толк от этого, но выжил я тогда благодаря Деду.

С тех пор каждый год я отправлялся в отпуск не на моря и пляжи, а сюда. Где дышится так легко и душа возвращается на нулевую отметку. Обнуление, мать ее, происходит. Словно вся твоя жизнь начинается заново. Новый отсчет тикает.

Я тащил, как ломовая лошадь, тушёнку, крупы и обязательно коньяк. Дед был очень чувствителен к коньяку, хоть и гнал свой самогон, от которого с ног сваливало даже бравого мужика. А вот коньяк он любил, как компот, пил, довольно щурясь и покрывавая. Ещё он любил горький шоколад и не закусывал им коньяк, а запивал свой чай. И ведь привозил я ему всякие сорта, даже молочный улун как-то привез. Нет, говорит, помои, сам пей.

Кто-то говорил, что Дед долго сидел, жену свою неверную убил. Кто-то — что семью его всю порешили, а он обидчиков наказал. Я спрашивал Афанасия, что случилось, почему он зажил отшельником. Но Дед молчал как партизан, только бороду свою рукой гладил да в даль задумчиво смотрел. Я мог бы узнать всю подноготную Деда по своим каналам, но не стал. Или не захотел. Должна быть у человека тайна, которую он в себе носит и никому не делится этим куском своей души. Вот Дед и носил, а я не лез. Не моё это — лезть туда, куда не надо или куда не приглашали.

Может быть, поэтому Дед и принимал меня в своей хижине, долгие разговоры вел про Тайгу, про её тайны. Про то, как медведь в том году поздно залёг, как зайцы по весне всю кору подрали. Про снег, который утром под ногами хрустел, а к вечеру кашей стал, что лепить можно. Мед, что собирал летом, вкусный, почти янтарный, красноватый. После него немного першит в горле, но аромат такой ни один мед не даёт, только дягилевый.

Пока про Афанасия вспоминал, сам не заметил, как половину пути отмахал до первой заимки. Еле нашёл охотничий домик, что между елей пристроился, да сугробами засыпало. Низкую дверь откопал и ввалился в дом, где давно не было никого. С лета точно.

Кинул рюкзак на широкую скамью и к печи подошёл, присел на корточки. На полу аккуратно дрова сложены, внутри золу вычистили. Это первое правило гостеприимства в Тайге. Переночевал — убери за собой, припасы пополни, чтобы другому осталось.

Закинул дрова, охотничьим ножом с зазубринами щепы настрогал. Огонь лизнул дерево, немного притих и заплясал на щепе, оставляя чёрные следы. Хорошо, что дымоход снегом не завалило, не хотелось на ночь глядя лезть на крышу и прочищать.

Встал и пошарил на полках: пакет с крупой в стеклянной банке, тушенка, в жестяной коробке чёрный чай. Из рюкзака вынул пачку соли, сахар, щедро сыпанул в пустые банки. Выложил ещё тушёнку, одну достал себе. За печью нашёл глубокую сковороду и плюхнул туда всю банку. Пока мясо грелось, натаскал в большой котел снег.

Завалился на топчан, что сколотили на скорую руку из необструганных досок. Шкура, что лежала на нём, была старая и пахла псиной, но мне плевать, и не в таких условиях приходилось быть.

Вспомнил разговор, что состоялся у меня дома перед отъездом. Зря Георг думает, что никто не знает о его планах. То, что я отправился на поиски дочери Княжина, уже стало известно тем, кто ничего знать не должен. Сам Быстрицкий был у меня в тот вечер в гостях с каким-то шкафоподобным быдлом. Муж Валерии Княжиной был таким, как в социальных сетях. Наглым, высокомерным, модельной внешности. Я таких мужиков терпеть не могу, а вот бабы с ума сходят. Взять хотя бы эту Валерию.

— Ты уж извини, что мы к тебе в гости без приглашения проникли, — усмехается Быстрицкий, а охранник его наиграно кисти рук разминает. — Долго тему мочалить не буду. Знаю, куда идешь. Только вот ничего ты найти не должен, понял? — Что же тут не понять, — скидываю с себя куртку и кладу на диван. — Все сказал? — Нет, не все, — встает Быстрицкий с кресла, куда сел до этого. — Найдешь что, позвони мне, я вдвое больше заплачу. Если по-другому будет, там в Тайге и останешься.

Муж Валерии идет к выходу, амбал за ним. У двери останавливаются, а Быстрицкий поворачивается ко мне.

— Советую не играть со мной в игры, моя жена мертва, ясно тебе? Будь хорошим мальчиком, поживи ещё немного.

Они уходят, а я всовываю руки в карманы джинс, смотрю на закрытую за ними дверь. Где-то просчитался Георг, стареет, что ли. Если о том, что на поиски Валерии Княжиной отправляют меня, стало известно убийце, а я не сомневаюсь, что именно Быстрицкий убил Валерию, то где-то у Георга завелась крыса. Причём крупная такая, жирная. Та, что все планы Георга знает. Вопрос в другом: кто она?

Глава 8

Утром я нарубил дров, принёс из леса несколько больших веток и подмел пыльный пол. Затем покинул заимку, наполовину засыпав дверь снегом. Кто знает, тот найдёт.

Первым на моём пути была заброшенная деревня, где теперь сохранилось не более пяти домов. В них жили одни старики, а молодёжь давно уехала в город на заработки. И что им здесь делать? Когда-то эти добротные дома были полны жизни, здесь работали детские сады и школа, кипела работа.

В советские времена здесь жили охотники, лесорубы и оленеводы. Они заготавливали лес, рыбу и мех, жили дружно и хорошо. Сюда приезжали представители разных национальностей: татары, чувашаи, удмурты и, конечно, русские.

Больше половины года деревни отрезаны от мира, и даже летом не всякий джип сможет сюда проехать. Мой рюкзак сегодня похудеет на добрую половину, но я хочу порадовать стариков, к которым иду.

Когда я захожу в деревню из леса, сразу ныряю в крайний дом. Мне не нужны лишние глаза и уши, а здесь каждый чужак на виду. Если я появлюсь на улице, сразу сбегутся люди, чтобы узнать последние новости с Большой Земли, а мне это совсем не нужно.

Дом Касимовых, некогда богатый, сейчас выглядит не очень хорошо. Он покосился на один бок, крыша местами пошла волной. Надо бы летом приехать сюда с ребятами, подправить его. У Ибрагима пятеро детей, неужели они совсем забыли своих стариков и махнули на них рукой?

— Есть кто? — спрашиваю я, вваливаясь в незапертую дверь и наклоняя голову. В сенях потолок низкий, того и гляди лоб расшибёшь.

А вот в доме уже нормально. Ниже, чем обычно, но всё же комфортно.

— Баб Лен, Ибрагим? — кричу я, стряхивая снег с высоких ботинок.

— Это кто там? — в прихожую выходит баба Лена, жена Ибрагима. Она слеповато щурится, пытаюсь меня узнать.

— Я это, — стягиваю балаклаву и приглаживаю короткие волосы пятерней.

— Илюша? — недоверчиво спрашивает баба Лена, делая шаг ко мне. — Точно, Илья! А дед баню топит!

Как же приятно, когда человек тебе радуется! Баба Лена — открытая, весёлая и шутница каких поискать. Я жил у них всего три месяца, когда только устроился к лесорубам, но потом навещал их каждый год.

— Вот Ибрагим обрадуется! — обнимает меня старая женщина, а я тоже ужасно рад их видеть. Особенно радует, что они здоровы и могут стоять на ногах. В их возрасте это подарок. Хотя ни они, ни я толком не знаем, сколько им лет.

— Раньше как было? — объяснял мне как-то Ибрагим, дымя своей трубкой, куда с особым ритуалом набивал табак. — Родила, через неделю вспомнила, что надо где-то отметить. В деревне была книга, в церкви. Так то батюшки нет, уехал в соседние сёла, то ещё что-то. Когда запись сделали, тогда и родился, а то и не записали совсем. Отмечать не принято было у нас, я и не знаю когда, да и Ленка тоже.

— Ты хотя бы при коммунистах родился, Ибрагим? — шутил я, на что дед серьёзно задумывался, что-то подсчитывая в уме.

— А шут его знает, Илюшка, — отмахивался он. — Помню только, как раскулачивать приходили к нашему соседу. Вот ирод был, всё под себя греб. Я мальчишкой ещё был, на крышу дома нашего залез и смотрел, как его вывели, затем жену его, а дальше грохот такой и крики, крики. Я с крыши кубарем скатился и в малине отсиделся. Мать потом говорила соседке, что расстреляли, мол, буржуев проклятых.

— Ого, тогда тебе почти сто лет, а то и больше, — рассматриваю внимательно старика. Глубокие морщины на смуглой коже, посветлевшие от возраста карие глаза. Вздувшиеся вены на худых руках, ногти слегка выпуклые, широкие.

— Да может и сто, живём пока дано, — отмахивается Ибрагим.

Уже стемнело, когда мы с Ибрагимом засели в бане, что топилась по-чёрному. Старик от радости так натопил, что на мне чуть кожа не сгорела. Забегу в парную, вдохну обжигающий хвойный воздух и наружу.

— Слаб стал, — укоризненно качает головой Ибрагим. — В городе своём отвык от нашей бани.

Старик хоть и сухой на вид, а жилистый и в парной сидит столько, что я боюсь, плохо ему станет. Но нет, сидит, только губами причмокивает. Сейчас сидим в предбаннике, в простыни закутались. От кожи пар идёт, вениками пахнет так, что голова кружится. Ибрагим достаёт из широкой корзины бутылку самогона, хлеб, завернутый в тряпицу, копчености разные, грибы солёные, капусту, маринованную с брусникой. От всего этого у меня слюни как у собаки выделяются. Давно не ел этого, особенно копчёной рыбы и оленя, а капуста у бабы Лены хрустящая, кисло-сладкая, язык проглотить можно.

Закусываем, выпиваем. Ибрагим новости выспрашивает, что в мире происходит. У них есть в доме телевизор, но смотрят его нечасто. То сигнала нет, то топливо для генератора экономят. С этим здесь проблема.

— Порадовал стариков, гости у нас тут редко бывают, — слюнявит почти беззубым ртом шоколад, что я принёс с собой. Сладкое здесь дефицит, а Ибрагим, как и Афанасий, его любит.

— Да, дело у меня здесь, — начинаю я, а старик хмурится. Знает, что если не в отпуск, то просто так я не заявлюсь на ночь глядя.

— Рассказывай, — коротко произносит Ибрагим.

— Чужие были у вас в деревне?

— Это смотря какие тебя интересуют, — хитро прищуривается старик. — Те, что сахаром и конфетами торговали или мех приходили покупать по осени?

— Те, что вопросы ненужные задавали, — смотрю на Ибрагима, и тот всё понимает.

Жует свои губы, думу думает. Торопить его нельзя, народ тут медлительный, привык всё делать не спеша. Что рыбу ловить, что охотиться, ко всему подход нужен, а торопливость только мешает.

— Да были одни, снег уже лёг. На снегоходах приехали, бабкам нашим подарков надавали, те и давай языком чесать. Только впустую всё, — рассказывает старик.

— Что спрашивали? — нарезаю на тонкие слайсы копчёную оленину, отправляю в рот. Вкусно, дымком чуть отдаёт.

— Интересовались женщиной, что пропала тут осенью.

— А нашли её?

— Эти не найдут, — ухмыляется Ибрагим.

— А была она?

— Может и была, — неохотно произносит старик, внимательно глядя на меня.

— Я ищу её, старик. Отец её ищет. Жива хоть она, скажи? Сам найду, ты же знаешь.

— Если и жива, то лучше бы ей помереть, — разливает в гранёные стаканы самогон и выпивает не чокаясь. — Не выжила она с такими травмами, так и скажи там кому нужно.

Глава 9

— Что ты знаешь, Ибрагим? — спрашиваю я с тревогой, а старик долго размышляет, прежде чем ответить.

— Дело темное, Илья, — наконец произносит он, а мне хочется пинка ему дать. Вот же какой, ходит вокруг да около. Пока до сути дойдет, вся терпелка кончится.

— Не тяни, Ибрагим. Ты же знаешь, что я не просто так интересуюсь этим.

— Вот именно. Влезешь туда, куда не следует, — ругается старик. — Кто тебе эта женщина? Мать, дочь, невеста? Её ведь многие ищут, а ты один по тайге шастаешь. Я понимаю, что ты здесь каждый куст знаешь, а они нет. Поэтому они не полезут вглубь. Опять же, шуметь будут. Не найдут ничего. Если у неё и был шанс, то его давно нет. И её нет.

— Говори.

— Ладно. Охотники рассказывали, что видели следы. Одежда женская была в крови, разорвана медведем. Да и как одежда — лоскуты одни. Медведь таскал её, видимо, не один день. Как думаешь, выжила ли твоя потеря после этого?

Ибрагим хмурится и молча разливает самогон. А мне не даёт покоя эта одежда. Жаль, что здесь нет связи, чтобы узнать у Георга, во что была одета Валерия в день её исчезновения.

— Медведь почуял кровь и пошёл за ней. У реки, где вода мелкая, постоянно там пара шальных ходит. Тогда как раз к зиме готовились, жирной рыбой наедались. Может и не голодный был мохнатый, но что таскал её — это правда. Если в берлогу не утащил, то бросил где-нибудь, ветками загреб. Не найдешь ты её, Илюшка. Медведь в спячку в конце ноября залёг, а до этого ходил, проверял свой трофей. Могла она выжить, вот скажи ты мне, могла? — горячится Ибрагим.

Спиртное развязывает ему язык, и он уже не замолкает. Я больше его слушаю, всё об охоте да рыбе этой.

— Если бы с собаками тогда искали, то нашли бы, — выдаёт Ибрагим. — Медведь к себе утащил, но не голодный он, рыбы хватает. А куда потом дел, кто же знает.

— А почему не искали с собаками? Остались ещё обученные на стойбище? — интересуюсь я.

— Да кого там! Две калеки, не собаки. Всё нынешняя власть по миру пустила, ничего не осталось. Ты вот там, в своей Москве, пошёл бы и сказал, что у нас здесь творится. Пошёл бы?

Ещё какое-то время спорю с Ибрагимом, затем волоку его на себе в дом. Сдаёт старик, да и пить не умеет. Для него спиртное — табу, с двух рюмок уходит. Баба Лена не ругает, помогает уложить мужа в кровать, валенки с голых ног сдергивает.

— Я тебе постелила, как всегда, — указывает мне на небольшую комнатку, что одной стеной к большой печи примыкает.

Благодарю и валюсь на топчан, накрываюсь шкурой и вырубаясь почти сразу. И снятся мне эти медведи, чтоб их. Пляски какие-то, хороводы водят вокруг снеговика. Дурь полная. Приснится же такое.

Утром просыпаюсь от запаха блинов. Задница горит от печки. Баба Лена раскочегарила так, что я весь взмок в своей комнатушке. Встаю и бегу в баню, которая ещё не совсем остыла. Умываюсь, трогаю щетину на щеках, не до бритвы сейчас. Да и не перед кем мне тут красоваться.

Ибрагим уже сидит за столом, хмуро смотрит на жену, что выкладывает на тарелку румяные блины.

— Доброго всем, — сажусь рядом со стариком, принимаю большую кружку чая от бабы Лены. — Сто лет блинов не ел.

— Вот и кушай, — улыбается она, пододвигая ко мне сметану и варенье.

— Я сегодня уйду, — сообщаю старикам, а они переглядываются.

— И куда пойдешь? — мрачнеет Ибрагим. — Ты бы шёл обратно, Илюшка. Я тебе вчера всё сказал.

— Помню, но у меня задание, дед.

— Не нужно тебе туда соваться, в это твоё задание.

— Живы будем — не помрем, да, баб Лен?

Провожать выходят оба. Стоят на крыльце. Баба Лена кутается в шаль, Ибрагим накинул свой залатанный тулуп.

— Ты на обратном пути заходи, — кричит мне старик. — Когда возвращаться будешь.

— А меня и не было у вас, — весело отвечаю ему, и тот понимающе кивает.

Выхожу так же через заднюю калитку, минуя засыпанный снегом сад. До хижины Афанасия мне три дня пути. На ночлег остановлюсь в рыбацкой деревне. Там у меня тоже знакомые есть. Но расспрашивать уже не буду. Незачем привлекать к себе внимания. Со слов Ибрагима я понял, что Валерию вряд ли нашли, да и не найдут уже, скорее всего, но с Афанасием поговорить нужно. Мне бы Георгу отзвониться, а для этого нужно выше забраться, вот перед рекой и найду, откуда связаться. Не нравится мне вся эта история, мутная какая-то. Если Быстрицкий так уверен в смерти жены, то зачем ищет? А если не уверен, то куда пропала Валерия? Не в берлоге же у медведя живёт.

В посёлке у рыбаков как всегда весело и тепло. Здесь к чужим людям относятся не так настороженно. А меня знают.

— Илья, опять в отпуск? — пожимает руку старший рыбак.

— Здорова, Петрович, ага, в отпуск. На ночь пустите? — отвечаю крепким пожатием.

— Почему же не пустим, иди к Никитичу, у него койка свободная, а вечером подгребай к костру.

— Договорились.

Иду к вагончику, где мне предстоит переночевать. Здесь стоят несколько строительных вагонов, оборудованных под проживание. В каждом буржуйка, четыре койки ярусами. За вагонами генераторы, под навесом снегоходы и вездеход. Никитич, мужик лет под пятьдесят с короткой чёрной бородой и в аляске, уже стоит на пороге своего вагончика.

— Илюха, привет, — пожимаем крепко руки. — Надолго?

— На ночь. Пустишь?

— Конечно, залетай. Твоя койка свободна.

Заходим в вагончик, и я сгружаю рюкзак на не заправленную койку слева. Матрас, скрученный вместе с подушкой внутри, лежит на верхней кровати. А больше мне и не нужно. Тепло, душевно. Вечер провожу в общем вагоне, который намного больше. Там и накормят, напоят, да и байки местные послушаю. Пока хлебал вкусную похлебку из рыбы и картошки, мужики всё спрашивали, что да как. У них проще с новостями, рация есть, да и телевизор в углу что-то бормочет. Мужики кто в нарды играет, кто в карты, а я сижу со старшими. Всего тут человек десять сейчас. Остальные кто по домам разъехались, кто на Большую землю подались. К весне вернутся. Когда все новости рассказаны, спрашиваю, будто мимоходом:

— Слышал, пропажа у вас тут была? Туристка пропала?

— А эту-то? — оживляется один из рыбаков, а другие кивают. — Так нашли её. Дня три назад. Точнее, что осталось. Намучилась девка, ох намучилась. Без слёз не взглянешь.

— Жива? — спрашиваю осторожно, чтобы не выдать свой интерес.

— Да какой там жива, — отмахивается Петрович. — В тайге разве выживешь? Баба, да ещё в одиночку.

Глава 10

— Опознали? — замираю, стараясь не выдать своего волнения.

Мне бы сразу сообразить, что речь идет не о моей пропаже. Валерия исчезла осенью, а сейчас зима.

— А как же, — ухмыляется Петрович, — Подруга ее и опознала. Вот зачем, спрашивается, лезут в тайгу, да еще и от группы отбиваются? Или думают, что зимой хищников нет? А волк, рысь, тигр опять же...

— Да какой тигр, Петрович? — возмущается один из рыбаков. — Или ты Шерхана вспомнил? Так старика уже давно нет.

— Может и нет, а может и есть, — задумчиво отвечает Петрович, — Да и шатун запросто может. Но эту рысь потрепала, однозначно.

Мужики заспорили, а я вздохнул облегченно. Шерхана даже я помню, точнее байки про этого старого амурского тигра. Кто-то встречал его, кто-то даже видел несколько раз, я пока только следы находил.

— Завтра наледь будет, тигр выйдет, — качает головой Петрович, — Когда наледь, косуля идет плохо, легкая добыча.

— Да, да... — согласились мужики, а я пообещал себе, что ружье из рюкзака достану на всякий случай.

Завтра мне предстоит весь день в дороге по тайге. Наледь — это плохо, но выбора у меня нет. Еще одна заимка, и я доберусь до Деда, а там уже будет понятно, что делать дальше.

Шансы на то, что Валерия каким-то чудом спаслась, таяли с каждым днем. Я теперь понимал ее мужа: нет тела — нет наследства. А ждать этому мажору было не с руки. Хочется красиво жить здесь и сейчас. Доказать, что это он помог своей жене отправиться на тот свет, невозможно, если сама Валерия не расскажет правду. Но даже я сомневаюсь, что она жива. У кого может жить в тайге городская фифа, скрываясь столько времени? Опять же травмы. Наверняка она получила травмы, когда сорвалась с обрыва. Георг подробно описал то место, и завтра я буду там проходить.

Но вот проблема: я, как и Георг, верю в такие чудеса или судьбу. Если человеку суждено выжить, то он выживет. Как, я не знаю, но жизнь такая штука, что я уже ничему не удивляюсь. Насмотрелся за свою карьеру в горячих точках. Вот есть человек, без рук, без ног, не жилец совсем, а выживает, но другой от царапины богу душу отдает. Ничем не объяснить, а угадать и подавно не дано.

С мужиками попрощался заранее, так как хотел выйти на рассвете, что и сделал. Тронулся в путь, когда небо только начало сереть, и день прошел довольно спокойно, если не считать того, что намаялся я с этими лыжами. Оттепель невовремя пришла, а потом морозом прикусило, и как по льду скользишь.

До заимки добрался совсем без сил. Дверь примерзла так, что пришлось топором вырубать. Эта хижина была хуже, чем та, в которой раньше ночевал. Потолок кое-где прохудился, в небольшой комнате гулял ветер. Печь чадила, пришлось протапливать до поздней ночи. Но выключило меня сразу, как только лег на узкий топчан. В этот раз обошлось без снов.

Утром выпил кофе, соорудил бутерброд и снова в путь. К концу дня должен был дойти до Деда. Когда поднялся на высокую точку, включил телефон, отмечая, что осталось всего две полоски, надо бы подзарядить.

Георг ответил почти сразу, словно держал телефон в руке. Быстро обрисовал ему ситуацию, рассказал про крысу.

— Кто-то в вашем окружении сливает всю информацию Быстрицкому.

— У меня проверенные люди, — сомневается Георг, — Может это случайность?

— Нет, слишком быстро они узнали, куда я иду и зачем. Как бы еще оказались у меня дома после разговора с тобой? — не соглашался я, — Прошерсти там своих людей, особенно у кого был доступ к информации. Нужно найти тех, кто знал о твоих передвижениях и планах. Муж Быстрицкой, может, и мелкая сошка, но за ним явно стоят серьезные люди.

— Хорошо, я займусь этим, — произносит Георг, — Ты сейчас где?

Вот тут я завис, если честно. Сам не понимаю, как это случилось, но вдруг накрыло такими сомнениями, что самому страшно стало. Я недоверяю Георгу?! Да быть того не может. Но кто еще знал обо мне, о моем задании? Кто знал, куда я пойду, с кем пойду и когда.

— Что молчишь? — голос Георга становится осторожным, он словно прощупывает почву перед тем, как произнести слова, — Илья... Ты же не думаешь, что...

— Нет, не думаю... Но будет лучше, если я все сделаю сам, — твердо отвечаю другу моего отца, моему крестному.

— Илья...

— Нет, Георгий Викторович, я сам разберусь. Ищите, кто сливает информацию, а я сообщу, как все узнаю.

— Но Илья, ты же понимаешь, что это полный бред!

— Возможно, возможно, — качаю я головой, и телефон вырубается, зарядка кончилась.

Сажусь в сугроб и беру в руку ком снега, впечатываю себе в лицо, чтобы прийти в себя. Я только что засомневался в очень близком для меня человеке. Тому, кто был другом моему отцу, тому, кто и мне был как отец. Но я не мог бы сейчас объяснить свои чувства. Я очень хочу верить Георгу. Кому еще не верить, если не ему?! Он был со мной с детства, шел рядом, помогая, наставляя, и вдруг...

Дальше я двигался, уже стараясь не думать о друге отца. Сделаю дело, а там будет видно. Мне нужно все узнать про Валерию Княжину, а затем уже решать, что с этой информацией делать.

К вечеру добрался до дома Деда. Подходил осторожно, Афанасий не любил незваных гостей. То, что старик дома, видно было по вьющемуся из трубы дыму. Вокруг бревенчатого дома расположились несколько построек: баня, сарай, курятник. Так же у Деда была собака, большая лайка. Я иногда думал, что пес такой же старый, как и Афанасий. Когда я был здесь последний раз, пес уже практически ослеп и хромал на обе задние ноги. Сейчас я не слышал его лай, вокруг стояла тишина, которая была не менее тревожной.

— Медленно повернись, — в затылок уперлось дуло, — Руки подними.

Поднимаю руки, осторожно поворачиваюсь. Встречаюсь взглядом с глазами Афанасия, что еле видны из-под пушистой лисьей шапки.

— Привет, старик, — улыбаюсь, опускаю руки, — Подкрался так, что я и не слышал. Сноровки не теряешь.

— Что нужно? — сердито произносит Дед, чем вызывает у меня удивление.

Афанасий не сказать, что дружелюбный отшельник, но меня он знает, и так просто не должно быть!

— Ты чего, Дед, меня не признал? Илюха я, не видишь, что ли? — улыбаюсь еще шире, сдергивая с себя балаклаву. Мороз сразу щипает лицо. На улице к вечеру заметно похолодало. Пока днем было солнце, да я был в дороге, не почувствовал, что градус заметно упал.

— Иди куда шел, — ворчит старик, но ружье не убирает. Так и смотрит на меня сквозь прицел, прищурившись одним глазом, — Сегодня у меня неприятный день.

— Да ты что, старый? — удивляюсь я, — С памятью совсем плохо? Это же я!

— Повторю один раз, иди куда шел, считаю до трех: раз, два...

Глава 11

Я не помнила своего имени, лица и даже своей жизни. В первые дни своего существования я знала только, что такое боль. Если бы она утихала, я бы могла смириться с ней, но она лишь нарастала. Она скручивала моё тело жгутом, заставляя выгибаться на постели. Но руки и ноги были привязаны, и я видела человека, который сделал со мной это. Каждый раз он будил меня, заставляя пить горькую смесь, а затем вновь причинял боль. Он раздирал моё лицо, шею, руки и ноги...

— Как твоё имя? — спрашивал седой демон. Именно так я называла его про себя.

— Не помню, — разлепляла я сухие губы, срывая корочку, которая успела образоваться на ранах.

— Как вспомнишь, скажи, — усмехается демон, укутывая меня в широкую простынь.

Я знала, что после этого мои мучения почти закончены на сегодня. Дальше оставалось лишь терпеть эту боль. Терпение моё длилось долго, очень долго. Я часто мерзла, дрожа всем телом и колотясь на шаткой кровати в ознобе. Иногда меня охватывал жар, заливая глаза потом. Но и тут демон не давал мне покоя. Он касался моего тела ледяными тряпицами или вливал в рот очередное пойло. Но от этой смеси, остро пахнущей спиртом, мне становилось хорошо через какое-то время. По груди разливалось тепло, мышцы, скрученные судорогой, расслаблялись, боль уходила.

И я спала, долго спала, просыпаясь от очередных мучений. А в один день я проснулась и поняла, что у меня почти ничего не болит. Это было так удивительно, что я посмотрела на мир вокруг другими глазами. Только сейчас я заметила беленые бревенчатые стены, печь в углу, в которой ярко и весело танцевал огонь.

Я провела рукой по своему животу, ощупывая тело, наглаживая шелковистый мех от какого-то зверя, которым была укрыта.

— Проснулась, — голос демона сегодня звучал как-то иначе, мягче, что ли.

— Где я? — перевожу на него взгляд, пытаюсь приспособиться к новому миру. Мне кажется, у меня один глаз закрыт наполовину или это только кажется?

— Хороший вопрос, девица, — побрякивает демон и улыбается.

Тут я понимаю, что никакой это не демон, а просто старик. Хотя глаза у него молодые и морщин почти нет. Лицо скрывает густая белая борода, такая, что даже губ не видно. Брови тоже белые, волосы коротко острижены, словно ножом срезаны, пряди неровные, торчат.

— Н-да, — плюет на свою ладонь дед и приглаживает седой вихор на макушке. — Ты мне скажи, болит что у тебя?

— Сейчас ничего, — отвожу от него взгляд, проваливаясь в свои ощущения. — Только чешется.

Морщусь, зуд невыносимый. Причем чешется все, особенно лицо и рука.

— Это хорошо, что чешется, — улыбается старик, показывая на удивление целые зубы. — Значит, заживает. Ты прости меня, девонька, я тут подлатал тебя, да неумело.

— Что? — спрашиваю его, поднимая к лицу руку.

Трогаю пальчиками грубый шрам, который идет от левой брови к уху, рядом с ним еще один поменьше и тоньше.

— Зашил как мог, рукодельница из меня так себе, — кряхтит или смеется дед, а я убираю руку от лица.

Мне на удивление все равно. Я даже не вспоминаю, что должна как-то выглядеть. Я не помню как! Не помню ничего, кроме этих дней, когда была боль.

— Так что, помнишь имя свое? — наклоняется ко мне старик. — Меня Афанасий зовут, а тебя?

— Имя? — пытаюсь поморщиться, задумываясь, но бровь от этого рвет болью. — Не помню ничего...

— Может, Валерия, нет? — подсказывает дед, а я перекаत्याваю это имя на языке. Верчу так и так, мысленно произношу, разбивая на слоги.

— Нет, — осторожно мотаю головой.

— Вот как, — хмурится дед. — Ладно, ты пока лежи, встать тебе нельзя, нога сломана, а я пойду кур покормлю.

Старик поднимается с широкой деревянной лавки, что стоит у моей как бы кровати, и выходит, накинув на плечи тулуп. Он впускает в дверь немного морозного воздуха, что клубится серым дымом у двери, и исчезает, растворяется.

— Ва-ле-рии-я... — снова произношу я незнакомое мне имя и не чувствую ничего. Не мое это, явно не мое. Но как тогда меня зовут?

Следующие дни Афанасий много времени проводит со мной. Говорит, что-то рассказывает. Мне нравится слушать его голос и истории. Дед говорит о тайге, животных, о морозах, почему-то о шишках. Я слушаю его, пока не засыпаю. Иногда даже вопросы задаю, так как мне и в половину непонятно, о чем Афанасий рассказывает.

— Что такое шишка? — спрашиваю его, а дед срывается со скамьи, уносится на улицу. Надо сказать, прытькость у него, как у молодого. Я вот встать не могу, только сидеть получается, и то не всегда. Спина болит ужасно, что там у меня, не знаю, но Афанасий сказал: «Небольшая царапина». Его послушать, у меня и на лице небольшая царапина, а глаз открыть до конца так и не могу.

— Вот, смотри! — тычет мне в нос овальную штуку с какими-то ячейками. — Шишка она!

И я смотрю. Беру в руки, трогаю эти ячейки. Внутри головы что-то шевелится, будто воспоминание какое, словно я уже видела когда-то эту самую шишку. Афанасий начинает скакать по комнате, указывая мне на вещи, называя их.

— Печь горячая, — с небывалым энтузиазмом произносит он. — Книга, вот книга, а это ведро, дрова, радио...

Я наблюдаю за ним, словно за обезьянкой в цирке, о чем и говорю Афанасию.

— Вспомнила, что ли?! — радуется он, а я говорю, что нет, просто фраза возникла в уме.

Дед качает головой, но потом начинает скакать с удвоенной силой.

— Свеча, табуретка, сковородка, кастрюля... — звучит его голос, а я, улыбаясь, наблюдаю за ним.

Глава 12

— Чего явился? — грубо спрашивает Дед, когда я зажмуриваюсь, как только он произнес «три».

— Афанасий, ты чего чудишь? — меня тоже начинает подбешивать все это, — Я тебе девочка, что ли, чтобы на испуг брать?

— Не девочка, — ответил он зло, — Я же сказал, что не принимаю гостей!

— И что, прогонишь вот так? Просто на ночь глядя в тайгу?

— И прогоню! — воскликнул Дед, снова поднимая свою двустволку. — Иди в баню, я только сегодня топил, там и переночуешь, а утром уходи.

— Ладно, ладно, — я поднял руки, словно сдаваясь, и Дед отступил.

Он вернулся к дому, а я следовал за ним на некотором расстоянии. Пальнет еще, старый маразматик. Совсем кукушка слетела в этой глуши, что ли? Сколько раз я был у Деда и всегда он принимал меня с радостью. Неделями тут гостил, в баню ходил, на охоту, дрова на зиму заготавливал, а теперь вдруг: «Проваливай!» Что-то здесь не так.

Афанасий проводил меня до бани и ушел в дом. Я был зол, как собака, уставший и голодный. Плюнув на все, закинул дрова в топку, надеясь, что хотя бы попарюсь после десяти дней дороги и помоюсь.

Дрова разгорелись сразу, и вскоре в предбаннике стало тепло и уютно. Пахло деревом и березовыми вениками. Я снял куртку и ботинки, сел на широкую деревянную скамью. Развязав рюкзак, проверил, что у меня осталось: одна банка тушенки, чай, ржаные хлебцы и соль. Со злостью откупорив бутылку коньяка, которую нес Афанасию, достал плитку молочного шоколада.

Дед вернулся минут через двадцать, когда я демонстративно пил коньяк из горла, закусывая шоколадом. Он зло взглянул на меня, достал с деревянной полки в углу две рюмки, дунул в каждую и молча пододвинул ко мне.

— Шоколада не ел, что ли? — угрюмо произнес он, отбирая у меня начатую плитку. — Не себе же принес...

— Да и не тебе, видимо, — огрызнулся я, наливая себе коньяк и демонстративно поставив бутылку около себя.

Афанасий сдвинул сердито седые брови и потянулся за бутылкой. Молча налил себе, сделал глоток, посмаковал во рту и крякнул от удовольствия.

— Ты это, мое не трогай, — прорычал я. — Как встретил, так и подарки получай.

— Это за ночлег, — тут же нашелся наглый дед, криво усмехаясь.

— Нет, я всё могу понять, маразм у тебя старческий, одичал совсем за год, но на людей чего кидаешься? — не выдержал я, наливая уже в две рюмки.

— Нет у меня в доме места, — возразил дед. — Гости у меня.

— Ах, гости, — усмехнулся я. — А что же за стол всех не сажаешь? Я бы пожевал что-нибудь, кроме тушенки.

— Я тебе не столовая, — проворчал Афанасий, посасывая шоколад.

Но, видимо, сладкое и коньяк сделали свое дело: Дед на глазах становился добрее. Хмурые взгляды сменились на добродушные, ушла настороженность. Не совсем, но заметно.

— Еду принесу сейчас, а в дом не пушу, — сказал он.

— Да и хрен с тобой, старик, — махнул я рукой. — Не хочешь знакомить с гостями, и не надо. На пару вопросов ответь, а я утром уйду.

— Что еще за вопросы? — снова напрягся Афанасий.

— Ищу я тут кое-кого, — начал я, внимательно наблюдая за реакцией Деда. — Осенью женщина пропала, муж ее ищет. Не верит, что умерла.

— Ладно, уходи утром, — хлопнул себя по коленям Афанасий и встал с лавки. — Дров тебе на сегодня хватит, воды тоже. Заслонку не забудь на ночь закрыть.

Я удивленно проводил его взглядом, глядя, как он выходит из бани, прикрыв дверь. Это что сейчас было? Чтобы старик отказался от коньяка и разговора, сам ушел, ничего не сказав? Сколько лет я уже его знаю? Семь или восемь, никогда такого не было. Что же за гости у него там такие?

Я понимал, что в дом не полезу. Афанасий мог и по ногам пальнуть, с него можно всего ожидать. Но вот уйти утром вряд ли уйду. Что-то меня напрягало во всем этом, слишком скрытным стал Дед, а это само по себе очень подозрительно.

Плюнув на все, я провел вечер даже приятно. Попарился в бане чуть ли не до тошноты. Отмылся, семь потов сошло, словно заново родился. Пока я был в бане, Афанасий принес мне еду, за что ему и спасибо. Картошка только сваренная, сало, тонко нарезанное, что аж просвечивало, с чесночком и черным перчиком, огурцы бочковые и большую миску тушеной оленины с овощами.

Наелся я так, что еле вздохнуть мог. И огурцам, и салу честь отдал, а уж оленина выше всяких похвал. Дед ее в печи долго томит в собственном соку, потом луку туда как оленины наваливает, морковь, чеснок. Мясо во рту тает, ничего вкуснее в жизни не ел. Иногда мне кажется, что я сюда к Афанасию только из-за этого мяса катаюсь. В этот раз, похоже, так и вышло.

После бани и еды заснул так, что пушкой не разбудить, однако военная привычка всегда быть начеку взяла свое. Под утро из дома послышались крики, да такие, что у меня волосы дыбом встали. Не пойму, кто кричит, вроде и женский голос, но такой, что как вой, да громко так.

Быстро накинул штаны и джемпер, влетел в ботинки и рванул в дом. На всякий случай пригнулся, когда в жилое помещение забегал, чтобы Афанасий не пальнул куда не надо. И на секунду остановился, открыв рот от удивления. Меня, повидавшего в горячих точках всякого, прошло страхом за то, что тут творилось. На деревянной кровати у стены метался и крутился человек, а Афанасий пытался его удержать.

Навалился всем телом сверху и не давал встать.

— Чего стоишь? — рявкнул Дед. — Вон веревки висят, тащи сюда, привяжем, а то изранится вся.

Я встряхнулся, как собака, и схватил с железного крюка смотанную льняную веревку. Быстро подскочил к Деду, и мы вдвоем довольно шустро примотали к кровати то ли ребенка, то ли подростка. Было непонятно из-за закрытого влажными прядями лица. Фигура мелкая, щуплая, да такая худая, что скрутить не составило труда.

— Нет, нет... — стонал человек, продолжая метаться на кровати, но уже не так сильно.

Постепенно эти метания стихли, а тело подростка как-то обмякло и словно в сон провалилось.

— Все, — тихо произнес Афанасий, усаживаясь на табурет около кровати. — Снятся всякие кошмары, вот и привязываю. Пока не успокоится, может травму себе нанести.

— И часто так? — сажусь на свободный табурет, стирая с лица пот.

— Пару раз в месяц, — задумчиво произносит старик и затем словно опомнился. — Помог, иди, дальше я сам.

Встаю, бросая взгляд на уснувшего человека, и пытаюсь рассмотреть хоть что-то, но мне видно только спутанные влажные волосы и хрупкие плечи, спину.

— В больницу бы надо, — с сомнением произношу я, снова поворачиваясь к Деду.

— Я сам знаю, что надо! — заводится тот, вскакивая со стула. — Иди давай, сам разберись.

И я уйду, хлопнув дверью. Стою на крыльце, вдыхая морозный воздух и пытаюсь сопоставить пазлы в своей голове, но ничего не выходит. Однако, я вернусь сюда и добьюсь своего. Я узнаю, что скрывает Афанасий, будь он неладен.

Глава 13

Утром Афанасий пришел, сел напротив меня, сверля своим взглядом из-под седых бровей.

— Чего смотришь? — нахмурился я, усаживаясь на лавке, где спал, укрывшись курткой.

Мне приходилось спать в самых разных условиях, но после того, что произошло, я засыпал с трудом и то лишь урывками. В голову лезла всякая ерунда о том, что скрывал старик.

— Жду, когда ты начнешь задавать вопросы, — крикнул с досадой Дед, — Я же вижу, что просто так ты не отвяжешься. Ты, Илюха, многого не знаешь.

— Откуда тебе знать, что мне известно, а что нет? — взлохматил я свои волосы, которые недавно начал отращивать.

До этого я по привычке брился почти под ноль, но на на гражданке мой бандитский вид не соответствовал статусу бизнесмена. Пришлось немного отрастить волосы, и я ещё не привык, что надо как-то приглаживать свою шевелюру. Тем более после бани волосы стояли торчком.

— Тогда скажи мне, что ты знаешь про ту женщину, которую ищет мужчина?

— А ты? Откуда?

— По радио слышал. Когда её искали осенью, каждые полчаса передавали сообщение.

— И что? Видел ты её?

— Нет. А какая она была? — вдруг заинтересовался старик. — Покаж.

Я достал из кармана телефон, который вчера успел зарядить, так как в бане была розетка, и показал Афанасию сохраненные фотографии из профиля Валерии. Дед надел на нос очки, стянутые резинкой, и долго рассматривал фотографии, вертя телефон так и эдак, словно хотел рассмотреть с разных ракурсов.

— Хорошенькая какая, — с какой-то печалью в голосе произнёс Дед, — Пухленькая, кровь с молоком. Волосы золотые.

— Да ты романтик, Дед, — убираю со смешком телефон в карман, — Ну так что, слышал про неё?

— А это смотря с какой стороны ты интересуешься? — хитро прищурился старик. — Ты ей враг или как? Не ври мне, Илюха! — вдруг впечатал кулак в низкий деревянный стол в бане, отчего вчерашние тарелки и рюмки подскочили.

— Чего я тебе врать буду? Но и рассказывать всё не собираюсь. Муж её ищет, да. Отец ищет тоже, и я ищу.

— И какая цель у каждого?

— А что, для того чтобы найти человека, цель нужна? — усмехнулся я. — Одно скажу тебе, старик, я ищу Валерию, чтобы ей помочь. Остальные по каким-то своим мотивам. Вот когда помогу, тогда и будем разбираться, что она сама хочет. Если жива, конечно.

Дед молчал, что-то там в уме своём соображал.

— Кто у тебя там в доме, Дед? Что за болезнь такая? — спрашиваю прямо, глядя ему в глаза.

— Племянница моя, — неохотно отвечает Афанасий, — Напугали её охотники, сама не своя. Кошмары снятся. На улицу боится выходить.

— Охотники, говоришь? — произношу задумчиво, а сам с Деда глаз не свожу. Вижу и сомнения все его. Вроде сказать что хочет, а боится чего-то или кого-то. — Откуда племянница у тебя? Ты, Афанасий, мудришь, да слишком явно. У тебя и семьи отродясь не было.

— С чего ты взял? — сердится старик. — Была у меня семья и сейчас есть.

— И где она?

— Тебе что за интерес?

— А то, что племянницу твою лечить нужно в больнице, психолог ей нужен, а не тайга твоя, — возмущаюсь уже открыто. — Что за родители такие, отправили ребёнка к старику, да ещё и больного? Не думаю, что здесь ей лучше.

— Ты и не думай! — снова рычит Афанасий. — Как и что делать с ней, я сам решу.

— Уверен? Право у тебя такое есть? Может, ты хуже только делаешь?

Афанасий поглаживает свою бороду, зло глядя на меня. Правильно, явился я тут, покой стариковский нарушил.

— Подумать мне надо, — наконец произносит Дед и встает. — Ты пока здесь оставайся, воды натаскай, дрова. В дом взять не могу, сам понимаешь.

— Я и не прошу, — отвечаю ему, а старик уходит, оставляя меня в раздумьях.

Что-то тут не складывается. Можно было понять, если бы старик там Валерию скрывал и не доверял никому, но это точно не Княжина. Совершенно не похожа. Валерия породистая девка была, сочная, всё при ней. Фигура пышная, да и держалась как королева. Фотографии, что я нашел в интернете, явно указывают на совсем другую девушку. У Деда в доме ребенок какой-то, точно не Княжина.

После обеда заползаю на холм, чтобы связь поймать. Пишу своим ребятам, что отбой. Нет у Афанасия никого, пусть продолжают поиски в другом направлении. Назначаю новую точку встречи через две недели. Черныш и Малыш знают, что делать, а я снова в путь тронусь через пару дней. До ближайшей деревни доберусь, запасы еды пополню и пойду по стойбищам, порасспрашиваю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.